Исследовательский проект «Разработка новой методологии диалога и взаимодействия религии и науки в России»

Владислав Раздъяконов

Институционализация диалогического направления дискурса «наука и религия» в современной России

Vladislav Razdyakonov

The Discourse of Science-Religion Dialogue in Modern Russia: An Institutional Dimension

Vladislav Razdyakonov — Associate Professor, Centre for the Study of Religion, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. razdyakonov.vladislav@gmail.com

«Science and religion» discourse plays a significant role in shaping the intellectual landscape of modern European thought. The article covers three topics: (1) it explores the meaning of this discourse in Imperial and Soviet Russia, (2) it overviews institutionalization of this discourse in modern Russia, and (3) it presents recommendations for its further development. These recommendations are as follows: to avoid metaphysical and epistemological discussions and concentrate on pragmatic, social and economical aspects of «science and religion» dialogue; to develop studies of genesis of the conflict narrative; to practice purely historical approach to the subject without any epistemological prejudice, whether it inclines to dialogue or conflict.

Keywords: science and religion, institutionalization, history of the Soviet Union, history of Russia, scientific apologetics.

Раздъяконов В. Институционализация диалогического направления дискурса «наука и религия» в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 11–29.

Razd'iakonov, V. (2015) "Science and Religion Dialogical Discourse in Modern Russia (An Institutional Dimension)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33 (1): 11–29.

Формирование дискурса «наука и религия» приходится на первую половину XIX столетия[1]. Предпосылкой его появления стало развитие философской системы позитивизма, проводившего четкое разграничение между «наукой», «религией» и «философией». С этого времени в западной интеллектуальной традиции начинают соперничество два подхода к сопоставлению «науки» и «религии»: «конфликтный», рассматривавший их как антагонистов, и «диалогический», утверждавший возможность их сосуществования.

Институционализация диалогического направления дискурса «наука и религия» — появление специальных исследовательских институтов для его разработки и трансляции — начинается с последней трети XX столетия[2]. Оформление самостоятельной научной программы совпало с общим критическим переосмыслением европейского интеллектуального наследия. Развивавшиеся социология и философия науки разрушали классическое представление об истории науки как истории освобождения и отрицали претензии науки на эпистемологическое превосходство над другими формами знания.

На современном этапе своего развития дискурс сталкивается с критикой, которая стремится подчеркнуть исторически-относительный характер его ключевых понятий, упрекая его в европоцентризме и, у́же, христианоцентризме[3]. В связи с этим типичная для любой критики проблема самореференции становится для него как нельзя более актуальной[4].

Настоящее исследование посвящено институциональной истории развития диалогического направления дискурса «наука и религия» в постсоветской России и состоит из трех разделов: исторического, раскрывающего ряд фактов из истории дискурса «наука и религия» в России дореволюционного и советского

1. Gregory, F. (2003) «Science and Religion», in D. Cahan (ed.) *From Natural Philosophy to the Sciences. Writing the History of Nineteenth-Century Science*, pp. 330–336. Chicago: University of Chicago Press. Наиболее правдоподобной причиной его актуализации следует считать процесс профессионализации и институционализации научного сообщества: Turner, F. M. (1978) «The Victorian Conflict between Science and Religion: A Professional Dimension», *Isis* 69 (3): 356–376.
2. Peters, T. (2005) «Science and Religion», in L. Jones (ed.) *Encyclopedia of Religion*, p. 8180. Thomson-Gale.
3. Dixon, T. (2011) «Introduction», in Dixon, T., Cantor, G., Pumfrey, S. (eds.) *Science and Religion: New Historical Perspectives*, pp. 1–21. Cambridge.
4. Harrison, P. (2006) "'Science' and 'Religion': Constructing the Boundaries», in *The Journal of Religion* 86 (1): 82–91.

периодов; эмпирического, размечающего карту институтов, занимающихся трансляцией дискурса на современном этапе; аналитического, представляющего рекомендации по его дальнейшему развитию.

Автор не ставит перед собой задачу полного описания дискурса[5]. В стороне осталось атеистическое движение[6], придерживающееся «конфликтной» установки; сторонники эзотерической традиции[7], обычно настаивающие на синтезе науки и религии в рамках «цельного» знания; представители религиозного консерватизма, ведущие критику современных научных исследований[8], прежде всего с позиций креационизма. При подготовке публикации автором были взяты интервью у исследователей, так или иначе ассоциирующих себя с дискурсом «наука и религия», среди которых: Н. А. Печерская, А. Э. Бодров, И. Т. Касавин, В. К. Шохин, Н. С. Серебряков, Г. Б. Гутнер, В. Н. Порус.

«Религия и наука» в дореволюционной и советской России

Историю дискурса «наука и религия» в России можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский[9].

5. Библиография сочинений, подпадающих под рубрику «Наука и религия», представлена А. П. Зарубиным: *Зарубин А. П.* Наука и религия. Отечественная библиография, 1993–2014 [http://www.prometeus.nsc.ru/partner/zarubin/scirel. ssi, доступ от 16.01.15].
6. Наибольшее значение в этом контексте получило т. н. «Письмо десяти академиков» (2007) Президенту РФ В. В. Путину против «клерикализации» и расширения влияния православной церкви в современном российском обществе. См.: *Баев П. А.* Атеизм и атеисты в современной России // Аналитика культурологии. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2011. № 20; *Журавский А. В.* Генезис и формы постсоветского атеизма в России // Васильева О. Ю., Зуев Ю. П., Шмидт В. В. (сост.) Вопросы религии и религиоведения. Выпуск 1: Антология отечественного религиоведения. Часть 4. М.: РАГС, 2009.
7. Одним из родоначальников этой традиции, много писавшей о воссоединении науки и религии, была Е. П. Блаватская. См.: *Фаликов Б. З.* Культы и культура. М.: РГГУ, 2007.
8. Крупнейшие представители — миссионерско-просветительский центр «Шестоднев» (с 2000 года, рук. К. Буфеев), симферопольский Христианский научно-апологетический Центр (рук. С. Л. Головин). См.: *Буфеев К.* Православное учение о сотворении и теория эволюции. М.: Русский паломник, 2014.
9. Подобное «политическое» деление весьма уязвимо для критики, хотя и весьма широко используется в дискуссиях современных отечественных историков и методологов религиоведения. См. публикации Антонова К. М., Смирнова М. Ю., Яблокова И. Н., Шахнович М. М., Костылева П. Н. и др.

На первом этапе доминирует диалогический подход, прежде всего благодаря конкордату, установившемуся между Русской православной церковью и государством. Для второго этапа, напротив, за некоторыми исключениями, характерна поддерживаемая советской властью конфликтная установка. Третий этап, который можно охарактеризовать как «сложный», демонстрирует полный спектр подходов к проблеме отношения науки и религии.

Начавшиеся в первой половине XIX века на Западе дискуссии[10] о соотношении науки и религии не остались неизвестными российским исследователям[11]. Большая часть сочинений отечественных авторов преследовала своей целью примирение христианской традиции и научных представлений об устройстве и развитии мира[12].

Значительное место среди этих публикаций занимали сочинения по естественнонаучной апологетике[13]. Еще в 1870 году этот предмет был введен в учебный план обучающихся в Московской духовной академии, что не могло не способствовать развитию дискурса[14]. Кроме того, проблематика отношения науки и религии так или иначе затрагивалась в большинстве философских сочинений того времени, прежде всего в связи с философией позитивизма[15].

10. Из переводов заслуживает упоминания: *Бутру Э.* Наука и религия в современной философии. СПб., 1910.

11. Одним из ранних рассуждений на тему отношения науки и религии в отечественной историографии, возможно, является сочинение дипломата А. С. Стурдзы, защищающего идею грехопадения и отвергающего существование «естественных добродетелей». См.: *Стурдза А. С.* Вера и ведение, или Рассуждение о необходимом согласии в преподавании религии и наук питомцам учебных заведений. Одесса, 1833.

12. Например, пафос небольшого сочинения Ф. Тернера, посвященного описанию последствий политики *Kulturkampf* Отто фон Бисмарка, сводится к критике материализма (как необоснованных философских выводов из научных исследований) и католицизма (как крайней формы «цезаропапизма», выразившей себя в решениях Первого Ватиканского собора), а также оправданию христианских оснований нравственности. См.: *Тернер Ф. Г.* Наука и религия в конце XIX века. М., 1876–1878.

13. Более подробно о дореволюционной естественнонаучной апологетике см.: *Мумриков О.* Естественно-научная апологетика как целостная дисциплина: общий обзор // Вестник ПСТГУ IV. Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (51). С. 28–41.

14. *Страхов П. С.* Богословие и естествознание (К вопросу о задачах естественно-научной апологетики) // Богословский вестник. 1908. № 30. С. 257.

15. См., например: *Кавелин К. Д.* Задачи психологии // Собрание сочинений. Т. 3. СПб. 1899. С. 375–648.

Магистральная для трудов диалогического направления идея примирения науки и религии[16] иногда шла рука об руку с положительным отношением к процессу секуляризации, благодаря которой «вера теперь стала более разумною и, следовательно, более крепкою»[17]. Призывая внимательно относиться к тем утверждениям традиции, которые вступают в противоречие с достижениями современной науки, С. С. Глаголев иллюстрирует свою позицию конфликтом между религиозным и научным сообществами, вызванным «открытием» на Марсе астрономом Дж. В. Скиапарелли каналов, чье происхождение могло иметь как естественный, так и искусственный характер. Религиозно настроенные критики были заинтересованы в том, чтобы опровергнуть существование искусственных каналов, исходя из убеждения, что обнаружение деятельности иных, помимо человека, разумных существ поставит под сомнение исключительный характер христианского откровения. Однако Глаголев призывает занять иную позицию: «Религиозная вера — не табу и не тормоз, она есть непосредственная истина, и поэтому она есть непогрешимый корректив знания, но дело в том, что мы можем погрешать в пользовании этим коррективом, можем смешивать с истиною свое понимание истины, которое может быть совершенно ошибочным и которое может заставлять нас отвергнуть действительную истину»[18].

Уже на дореволюционном этапе можно выделить три группы, заинтересованные в обсуждении проблемы отношения науки и религии: представители академического сообщества; представители религиозного сообщества, прежде всего непосредственно связанные с Русской православной церковью; группа «маргиналов», обычно (но не всегда) не принадлежавших к христианской традиции и не состоявших в академии[19]. Первые и вторые считали, что наука и религия не должны нарушать проведенных между ними границ (гармонично соседствовать, обогащая друг

16. Не следует забывать, что голоса сторонников мирного сосуществования науки и религии раздавались не только со стороны церкви, но и из позитивистской цитадели: «Под видимым антагонизмом науки и религии скрывается совершенное согласие» (*Спенсер Г.* Основные начала. СПб., 1897. С. 16).

17. *Глаголев С. С.* Религия и наука в их взаимоотношении к наступающему XX столетию. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900. С. 18.

18. Там же. С. 60.

19. См., например, характерную критику материализма в сочинениях сторонников изучения медиумических явлений: *Аксаков А. Н.* Спиритуализм и наука. СПб., 1872.

друга). Представители третьего сообщества, находясь на пересечении формирующихся религиозного и научного дискурсов, напротив, стремились их синтезировать в единое непротиворечивое мировоззрение[20].

На советском этапе истории наука и религия противопоставляются друг другу в рамках «прогрессистской» марксистской парадигмы, утверждавшей скорый конец религии как «пережитка» существовавших в прошлом социальных отношений. В это время проблематика науки и религии выходит за пределы узкого академического сообщества и становится частью широкого общественного дискурса. Популяризация темы была вызвана потребностями идеологической пропаганды («лучший способ борьбы с религией — научное опровержение бога»[21]). Наибольшая публикационная активность приходится на антирелигиозные кампании 1920–1930-х и 1960-х гг., ради которых создавались специальные издательства, публиковавшие сочинения о правильном, с точки зрения линии компартии, отношении науки и религии. В подготовке публикаций принимали участие профессиональные философы (например, Г. А. Гурев, И. А Крывелев[22]) и ученые (например, астрономы С. К. Всехсвятский и В. А. Шишаков, врач Н. А. Семашко, биолог Б. М. Завадовский[23]). Отдельно следует упомя-

20. Необходимо подчеркнуть предварительный характер классификации, поскольку люди, принадлежавшие академии, зачастую позиционировали себя как сторонники будущего синтеза науки и религии: «Разрыв между наукой и религией составляет принадлежность известных ступеней развития; он происходит иногда от недостаточности науки, иногда от недостаточности религии. Но окончательною целью развития представляется высшее объединение обеих областей, конечный синтез всего духовного мира» (*Чичерин Б. Н.* Наука и религия. Труд по философским проблемам. М., 1879. С. XIII.).

21. *Гурев Г. А.* Антирелигиозная хрестоматия. М., 1930. С. 4.

22. *Гурев Г. А.* Наука и религия о вселенной. Научно-популярный очерк. 1938; *Гурев Г. А.* Великий конфликт. Борьба между наукой и религией. М., 1965.; *Крывелев И. А.* Современное богословие и наука. М., 1959; *Лупало И. Г.* Наука против религии. М., 1953.

23. *Завадовский Б. М.* Что говорят о происхождении животных наука и религия. М.: Безбожник, 1928; *Семашко Н. А.* Наука и религия о здоровье. 1930; *Всехсвятский С. К.* Наука и религия о мироздании. Л.: Лениздат, 1940; *Шишаков В. А.* Наука и религия о строении и происхождении мира: пояснительный текст к серии диапозитивов. М.: Центр. Совет союза воинствующих безбожников, 1936; *Шишаков В. А.* Необыкновенные небесные явления в свете науки и религии. (Метеоры, кометы и затмения): пояснительный текст к серии диапозитивов. М.: Центр. Совет союза воинствующих безбожников, 1936. Стоит также упомянуть фамилии следующих авторов, использовавших в названии своих сочинений словосочетание «наука и религия»: Ветков А., Брук Г. Я., Булатов И. П., Кеткович Я. В., Перельмутер Ц. М., Закс М. Г., Воронцовская М. А., Коган Ю. Я., Юзефович А. и др.

нуть журнал «Наука и религия» (с 1959 года), задуманный изначально как средство для «разоблачения» религии, однако уже в 1960-е годы допустивший на страницы своего издания представителей религиозных объединений[24].

Несмотря на официальную политику размежевания науки и религии, в советский период было представлено также и диалогическое направление. Во-первых, это труды авторов, покинувших Россию и публиковавшихся за границей (В. В. Зеньковский, П. И. Ковалевский, С. Л. Франк, А. А. Бобринский, В. Н. Ильин, Д. М. Панин, С. Н. Ляшевский)[25]. Во-вторых, это сочинения авторов, живших на территории СССР (В. Ф. Войно-Ясенецкий и А. А. Любищев), но изданные уже в постсоветское время[26].

Большое количество академических публикаций приходится на вторую половину 1980-х гг., когда благодаря политике гласности различные точки зрения на вопрос о соотношении науки и религии получили право на выражение без какой-либо цензуры со стороны государства[27]. К середине 1980-х гг. следует отнести первые попытки целенаправленного развития диалогического направления дискурса «наука и религия». Во-первых, в Институте философии РАН складывается исследовательская группа, занимающаяся изучением истории взаимодействия науки и религии (см. ниже); во-вторых, образуются небольшие кружки ученых-естественников (например, кружки Н. А. Печерской и Ю. С. Владимирова), основной целью которых было развитие дискурса, альтернативного официальному конфликтному видению отношений науки и религии.

Программа кружка Н. А. Печерской имела общую гуманитарную направленность — его участники по преимуществу занима-

24. *Смирнов М., Круг П.* В защиту свободомыслия. Интервью с О. Брушлинской // Независимая газета. 21.10.2009.

25. *Зеньковский В. В.* Апологетика. Париж, 1957; *Ковалевский П. И.* Наука, Христос и Его учение. Брюссель, 1928; *Бобринский А.* Астрономия Библии. Париж, 1928; *Франк С. Л.* Религия и наука. Брюссель, 1953; *Ильин В. Н.* Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира. Париж, 1930; *Панин Д. М.* Вселенная глазами современного человека. Турне, 1976. *Ляшевский С. Н.* Библия и наука о сотворении мира. М., 1999.

26. *Святитель Лука* (Войно-Ясенецкий В. Ф). Наука и религия // Наука и религия. Ростов-на-Дону: Троицкое Слово, 2001; *Любищев А. А.* Наука и религия. СПб., 2000.

27. Среди множества публикаций особое внимание следует обратить на следующее сочинение, одним из первых после долгого перерыва раскрывающее перед отечественным читателем «сложность» отношения науки и религии в исторической перспективе: *Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л.* Наука и религия: историко-культурный очерк. 1988.

лись изучением древних языков, истории и философии, стараясь приобрести целостное видение развития и устройства культуры, в которую можно было бы органически включить научное знание, не противопоставляя его религии. Члены кружка были убеждены, что наука и религия суть два независимых предприятия человеческого духа, ведущих к одной цели, но разными путями. В состав кружка Ю. С. Владимирова входили физики-теоретики, ставившие своей целью воссоздание единой «научно-теологической картины мира», отражающей целостность и сложность устройства Вселенной. По признанию Ю. И. Кулакова, именно занятия теоретической физикой привели его к вере в Бога и в лоно христианской церкви[28].

Институциональные формы организации диалогического направления дискурса «наука и религия» в постсоветский период

Последним значимым событием советского периода следует считать проведение в 1990 году в подмосковном городе Дубна конференции «Наука. Философия. Религия», которая стала первой официальной площадкой для встреч философов, ученых и богословов, заинтересованных в обсуждении проблемы отношения науки и религии. Инициировали[29] проведение конференции профессора-физики из Объединенного института ядерных исследований — В. Н. Первушин и В. А. Никитин[30], однако на современном этапе проблематика, обсуждающаяся на конференциях «Наука. Философия. Религия», безусловно, шире[31] пробле-

28. *Кулаков Ю. И.* Синтез науки и религии // Сознание и физическая реальность Т. 2. № 2. 1997. С. 1–14; см. также: *Владимиров Ю. С.* Фундаментальная физика и религия. М., 1993; *Владимиров Ю. С.* Фундаментальная физика, философия и религия. Кострома, 1996; *Владимиров Ю. С.* Метафизика. М., 2009.

29. Среди организаторов конференции в разные годы выступали Объединенный институт ядерных исследований, Московская духовная академия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и Центр национальной славы.

30. Интервью с В. Н. Первушиным // Журнал ОИЯИ. Дубна. 2004. № 35 (3723).

31. Конференции, посвященные проблеме отношения науки и религии: «Понятие истины в науке и религии» (1990); «Пределы знания в науке и религии» (1993); «Наука в христианском мире» (1994); «Наука и христианство в современном мировоззрении» (1995); «Наука и теология на рубеже третьего тысячелетия» (1999); «Наука, философия, религия: взаимодействие в современном образовании» (2009).

мы отношения науки и религии: последняя, XVII, конференция была посвящена национально-культурной идентичности России.

Значимость конференции для дискурса «наука и религия» заключается не столько в развитии самого дискурса, сколько в формировании общей среды для диалога между учеными, философами и богословами по ключевым проблемам современной культуры.

Второй крупной площадкой для обсуждения в 2000-е годы служили Международные Рождественские образовательные чтения[32]. В 2012 году в рамках направления конференции «Церковь и наука: пути взаимодействия» под руководством митрополита Волоколамского Илариона было организовано десять мероприятий[33], проходивших на базе светских и духовных институций (ИФ РАН, РГГУ, МДА). В данном случае патронаж Русской православной церкви определяет содержание и характер возможных дискуссий по проблемам науки и религии, в частности, отсекая ряд неприемлемых с точки зрения Церкви мировоззренческих позиций и идей[34].

Помимо общих площадок в России существует несколько академических институций, в стенах которых ведется значительная научная и учебная работа в рамках направления «наука и религия»: Высшая религиозно-философская школа, Библейско-богословский институт имени святого апостола Андрея, Институт философии Российской академии наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Московская духовная академия, Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, Научно-богословский центр междисциплинарных исследований факультета искусств СПбГУ.

32. Секции: «Христианство и наука» (1999, 2001–2004, 2008–2010), «Наука в свете православного миропонимания» (2007–2014), «Наука и богословие» (2000, 2006).

33. Среди этих мероприятий: конференции «Богословие и гуманитарные науки»; «Наука в свете православного миропонимания»; семинары «Философия и богословие в русской религиозной мысли», «О происхождении мира и человека»; «Взаимодействие Церкви и гуманитарных наук в переводах Библии и библейских исследованиях»; «Взаимодействие Церкви и гуманитарных наук в изучении литургических памятников»; «Христианство и естественные науки»; круглые столы «Соотношение науки и веры»; «Наука религии и религия науки».

34. Секция «Православное осмысление творения міра и современная наука», в организации которой активное участие принимал К. Буфеев, была закрыта (2009) под предлогом необходимости прекращения полемики между научным и религиозным сообществами.

Большая часть исследовательских и учебных проектов этих объединений проводится в жизнь при финансовой поддержке Фонда Джона Templтона. По свидетельству А. Э. Бодрова, присутствие Фонда в России стало заметным после 1999 года, когда в Государственном Кремлевском дворце состоялось вручение премии им. Дж. Templтона американскому исследователю Иену Барбуру[35]. Особое значение имеет переводческая активность Фонда, преследующая своей целью продвижение идеи примирения науки и религии — как двух способов постижения «реальности» или «Бога»[36].

Систематическим исследованием и популяризацией проблематики отношения науки и религии занимается Высшая религиозно-философская школа (ВРФШ) под руководством Н. А. Печерской (учреждена в 1990 году). На ее базе в 2000 году, в сотрудничестве с Институтом Метанексус (США), был создан Санкт-Петербургский образовательный центр «Религия и наука» (SPECRS). В основание методологии исследований Центра был положен диалогический подход, рассматривающий религию и науку как независимые предприятия человеческого духа. С 2000 года на базе ВРФШ в сотрудничестве с зарубежными и отечественными организациями регулярно проводятся мероприятия[37], посвященные проблеме отношения науки и религии[38]. Последний из действующих проектов ВРФШ состоит в переводе двухтомно-

35. Bodrov, A. (2009) «Problems and perspectives of the Science-and-religion Dialogue in Russia», *Transdisciplinarity in Science and Religion* 6: 216.

36. Templeton, J. and Herrmann, R. (1994) *Is God the only Reality*, p. 8. Continuum.

37. «Наука и вера: проблема человека в науке и богословии» (2000); «Религиозные основания современных проблем естественных и гуманитарных наук» (2005–2006); «Реферативный обзор современной отечественной и зарубежной научной литературы по проблемам взаимодействия науки и религии (историко-философский подход)» (2008); «Обзор влияния научных исследований в области взаимодействия науки и религии на систему высшего образования в США» (2008); «Междисциплинарное сотрудничество в науке, религии и культуре: подготовка лидеров в XXI веке» (2009–2012); «Проблемы междисциплинарного взаимодействия в науке, религии и культуре» (2009–2012); школа для работников СМИ «Влияние диалога науки и религии на развитие гражданского общества в России» (2013).

38. Конференции и круглые столы: «Наука и вера: проблемы человека в науке и богословии» (2000–2001); «Религия и наука — проблемы и перспективы диалога» (2003); «Религия и наука как способы истолкования мира: общность герменевтической проблемы» (2004); «Наука и богословие как две онтологические парадигмы» (2004); «Наука, идеология, религия» (2005); «Как и почему возникают вопросы соотнесения проблем философии, науки и теологии» (2012); «Наука и вера. Исследование жизненно важных реалий» (2013).

го сборника статей «Наука и религия в диалоге» под редакцией Стюарта Мелвилла (перевод первого тома появился в продаже в 2014 году).

Другой не менее важной организацией, способствовавшей развитию дискурса «наука и религия», является Библейско-богословский институт имени святого апостола Андрея (ББИ) под руководством А. Э. Бодрова (учрежден в 1990 году). Начиная с 1999 года под патронажем ББИ проводится «Летний институт по богословию и науке», который организует единственные в России курсы повышения квалификации для слушателей, желающих углубить свои знания по проблемам взаимодействия науки и религии. Последнее из научно-организационных мероприятий ББИ — международная конференция «Космология и вера» (2015).

В рамках издательской программы ББИ была создана специальная серия «Богословие и наука», в которой были опубликованы переводы трудов западных представителей рассматриваемого дискурса[39]. По свидетельству А. Э. Бодрова, главная цель его редакторской политики заключалась в том, чтобы создать единое учебное основание для развития дискурса в России: ББИ ставил перед собой задачу формирования у читателей систематического интереса к поиску сходств и различий между богословием, философией и наукой.

Особое место в дискурсе «наука и религия» занимают проекты и труды сотрудников Института философии Российской академии наук. Еще в 1980-е годы в ИФ РАН сложилась группа исследователей, разрабатывавших проблематику соотношения науки и религии в исторической перспективе. Наиболее известным исследователем из этой группы является П. П. Гайденко, автор многих пользующихся популярностью в России трудов по истории западной философии и науки[40].

Значимую работу, имеющую отношение к проблематике дискурса «наука и религия», ведут заведующие секторами

39. Среди переводов представлены труды Дж. Полкинхорна, И. Барбура, Дж. Брука, А. Пикока, Г. Кюнга, Ю. Мольтмана, М. Хеллера и других известных западных богословов и ученых.

40. Из публикаций ИФ РАН следует также отметить сочинения Л. М. Косаревой («Рождение науки Нового времени из духа культуры», 1997); сборники «Философско-религиозные истоки науки» (1997), «Два града. Диалог науки и религии: Восточная и Западноевропейская традиции» (2002), «Наука. Философия. Религия» (два выпуска: 2003, 2007); труд Л. А. Марковой «Наука и религия. Проблемы и границы» (2000); исследования В. Н. Катасонова «Философско-религиозные проблемы науки Нового времени» (2005), «Христианство, наука, культура» (2009, 2012).

ИФ РАН — И. Т. Касавин[41] (сектор социальной эпистемологии) и В. К. Шохин[42] (сектор философии религии). Одним из главных практических достижений работы своего сектора И. Т. Касавин называет внедрение в образовательный процесс материалов, касающихся так называемых «вненаучных форм знания»: курс по философии науки для аспирантов служил удобной площадкой для знакомства аспирантов с проблематикой дискурса «наука и религия», очерчивая границы рационального и, у́же, научного мышления.

С 2009 года в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете искусств под руководством протоиерея Кирилла Копейкина был организован Научно-богословский центр междисциплинарных исследований (НБЦ). Цель деятельности НБЦ заключается в богословском осмыслении достижений современной науки, однако не исчерпывается ею: в программных документах ставится задача придания достижениям науки, выраженным на математическом языке, гуманитарного и богословского измерений[43].

Особый вклад в развитие «диалогических» отношений между наукой и религией вносят институты, находящиеся под непосредственным управлением Русской православной церкви. В стенах Московской духовной академии развиваются традиции дореволюционной естественнонаучной апологетики[44], а ее профессора стояли у истоков деятельности конференции «Наука. Фило-

41. Среди трудов, редактировавшихся И. Т. Касавиным, известность получили сборники: «Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход» (2006), «Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд» (2008). В 2005–2006 гг. под руководством И. Т. Касавина проведено исследование «Наука и религия в формировании системы ценностей новой цивилизации», к которому были привлечены многие отечественные специалисты: В. Степин, А. Гусейнов, В. Филатов, В. Петренко, В. Рабинович, В. Шохин, В. Колпаков, О. Зубец, Е. Балагушкин, П. Гайденко, А. Красников.

42. Главным зарубежным партнером выступает Общество христианских философов в сотрудничестве с Синодальной библейско-богословской комиссией Русской православной церкви. Среди последних публикаций следует отметить перевод «Оксфордского руководства по философской теологии» (2013).

43. Обращает на себя внимание исследовательский проект НБЦ «Наука как посредник в диалоге религий», предлагающий рассматривать научную картину мира как площадку для диалога разных религий.

44. *Мумриков О.* Концепции современного естествознания: христианско-апологетический аспект: Учебное пособие для духовных учебных заведений. М.: МДА, 2013.

софия. Религия»[45]. Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия ведет активную исследовательскую и научно-организационную работу: в 2012 году была открыта кафедра теологии в НИЯУ МИФИ, через которую организуются мероприятия, укрепляющие идеи диалога между учеными и богословами[46].

С 1997 года на базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета[47] действует научно-исследовательский семинар «Наука и вера» под руководством А. Б. Ефимова[48]. Как отмечает Н. С. Серебряков, позицию семинара можно обозначить как «умеренный консерватизм», с одной стороны, избегающий крайности отрицания современной науки, а с другой — выступающий против попытки создания нового богословского языка, основанного на последних научных достижениях. На семинаре выступают представители разных наук, в том числе и ученые с атеистическим мировоззрением.

Перспективы развития диалогического направления дискурса «наука и религия» в постсоветской России

В современной России широкая публика придерживается конфликтного видения отношений науки и религии, противопоставляя их как общее и частное, объективное и субъективное, реальное и воображаемое, естественное и трансцендентное. Диалогическое направление дискурса «наука и религия» стремится смягчить это противопоставление, показав сложность отношений, складывавшихся между «наукой» и «религией», и невозможность сведения этих отношений к конфликту. В связи с этим *следует говорить*

45. Заслуженный проф. МДА А. И. Осипов выступал как сопредседатель конференций в 1991–1999 гг.

46. Например, организация курсов повышения квалификации для преподавателей апологетики и дисциплины «Концепции современного естествознания» духовных школ РПЦ (2012), проведение международной конференции «Наука и религия: исторические пути и перспективы конвергенции» (2013), образовательный проект «Религия, наука, общество» (2014).

47. В 1996 году увидела свет известная публикация священника Глеба Каледы, стоявшего у истоков ПСТГУ: *Каледа Г. А.* Библия и наука о сотворении мира. М.: Альфа и Омега, 1996–1997.

48. Труды семинара «Наука и вера» ПСТГУ/сост. А. Б. Ефимов, прот. А. Салтыков, Н. С. Серебряков. Вып. I. М.: ПСТГУ, 2011. Среди мероприятий семинара следует отдельно отметить ежегодную (с 2005 г.) секцию «Наука в свете православного миропонимания» в рамках Рождественских чтений.

о конфликте между ожиданиями широкой публики и позицией, которую разделяют представители диалогического направления дискурса «наука и религия».

Трактовать этот конфликт как конфликт, возникающий вследствие невежества публики, означает упрощать и искажать действительное положение вещей. В публичном дискурсе существует множество мифов об отношениях науки и религии, которые достойны развенчания. Однако сопротивление широкой публики, так же как и большого количества лиц, которых трудно заподозрить в невежестве, скорее свидетельствует о том, *что истинная причина конфликта коренится в самой риторике по поводу отношений науки и религии, общей для сторонников конфликтной и диалогической установок.*

Изначально диалогическая установка возникает как реакция на развитие учений атеизма и материализма в Западной Европе XVII столетия, и впоследствии ее актуализация идет рука об руку с конфликтной установкой. Обе эти установки принадлежат к модернистской парадигме, постулирующей существование «науки» и «религии», которые, поскольку они обозначают разное, могут относиться друг к другу по-разному. *Сводить отношения науки и религии лишь к одной точке зрения — значит упрощать ситуацию.* Принципиально важным является осознание того, что таким упрощением страдает не только широкая публика, но и исследователи, считающие необходимым настаивать на исключительно диалогическом характере отношений науки и религии.

Разрешение этого стародавнего спора между сторонниками конфликта и диалога возможно двумя способами. Первый способ предполагает отказ от модернистских категорий «наука» и «религия» и требует выработки нового концептуального аппарата. О первом способе много говорится начиная с 1960-х годов, однако сделано в этом направлении относительно немного: по большей части перед нами аналитические исследования, развенчивающие эссенциализм, но избегающие формулировать собственные онтологические утверждения. Второй способ предполагает *принятие указанных категорий и начало совместной работы по осмыслению их содержания без постановки вопроса о том, каково «правильное» соотношение между ними.*

Начиная с основополагающего исследования И. Барбура идея «сложности» отношений науки и религии является определяющей для всего дискурса. Продуктивная идея «сложности» использовалась самим И. Барбуром, как и большинством его после-

дователей, прежде всего для критики упрощающей отношения «конфликтной» установки. *Подобная избирательность не раз делала труды, посвященные дискурсу «наука и религия», предметом критики, обвинявшей авторов в апологетическом отношении к религии.*

Нижеследующие рекомендации обозначают путь внутреннего развития диалогического направления дискурса и определяют способы взаимодействия его носителей с широкой публикой, в том числе с противодействующими ему группами. Развитие дискурса мыслится автором прежде всего через отвлечение от метафизической стороны вопроса о соотношении «науки и религии»[49]. Предлагаемое решение можно сформулировать одним предложением: *проблематика «науки и религии» должна быть перенесена из области эпистемологии в область социальных отношений, прагматики и истории.*

Развитие диалогического направления дискурса возможно при принятии следующих рекомендаций.

Во-первых, следует больше исследований уделять *пониманию функционирования конфликтной установки в современном обществе.* Необходимо сосредоточить внимание на выявлении причин ее существования, не пытаясь при этом как-либо ее стигматизировать[50].

Во-вторых, необходимо работать над *созданием целостного исторического нарратива*, который бы в равной степени удовлетворял всех, кто участвует в обсуждении проблематики дискурса. В подобном нарративе равным образом должны быть представлены позиции «конфликта», «синтеза», «независимости» и «диалога».

В-третьих, стоит постоянно укреплять *научно-организационное взаимодействие* между разными представителями диалоги-

49. См., например: Evans, J. H., Evans, M. S. (2008) «Religion and Science: Beyond Epistemological Conflict Narrative», *Annual Review of Sociology* 34: 87–105. В то же время не следует понимать это предложение как требование отказа от обсуждений того, как правильно должны соотноситься наука и религия. Предлагается принять во внимание, что эти обсуждения, ввиду своей «метафизической заданности», замыкают сообщество на самого себя, в то время как выход за его пределы возможен лишь через общее социальное пространство взаимодействия, свободное от каких бы то ни было идеологических ограничений.

50. О необходимости более детального исследования «конфликтной установки», помимо всеобщего развенчания ее как «модернистского мифа», см.: Cantor G. (2011) «What shall we do with the 'Conflict Thesis'», *Science and Religion: New Historical Perspectives,* p. 296. Cambridge.

ческого направления дискурса, прежде всего между церковными и светскими структурами. Подобное взаимодействие затруднено не только в силу специфики гуманитарного сообщества в России (оно крайне неохотно сообщает о своих исследованиях и не склонно к социальному взаимодействию), но и по причине многогранности самого дискурса, раскрывающегося в рамках полного спектра гуманитарных дисциплин — от истории религии до философии науки.

В-четвертых, следует *интегрировать результаты реализации дискурса «наука и религия» в учебное пространство*. До недавнего времени[51] курс «Наука и религия» был обязательным для студентов-религиоведов, что не могло не способствовать его критическому переосмыслению. Представляется перспективным проведение совместных методических семинаров с участием преподавателей, ведущих соответствующие курсы, и преподавателей духовных учебных заведений, ведущих курсы, посвященные естествознанию и апологетике.

Вместе с тем трансформация внутреннего научно-организационного устройства дискурса и его научной повестки недостаточна для эффективного развития. Как показывает опыт встреч на тему «Наука и религия», во время их проведения происходит не столько «диалог» научного и религиозного сообществ, сколько общение единомышленников из числа ученых и священников, объединенных идеей диалогических отношений. Для развития дискурса необходимо обращаться к широкой публике, включая всех тех, кто мог бы быть потенциально заинтересован в развитии дискурса «наука и религия».

Во-первых, представители диалогического направления дискурса могли бы *выступать в качестве посредника между религиозными и научными группами* с целью выработки взаимно полезного механизма их взаимодействия. Примерами такого рода механизмов могут служить совместное действие, направленное на достижение общей цели, и обмен ресурсами. В качестве конкретной ближайшей меры можно рассматривать препо-

51. Федеральный государственный образовательный стандарт Высшего профессионального образования по направлению подготовки 033 300 Религиоведение. Степень «Бакалавр». М., 2010. С. 15. Исследование содержания и практики преподавания дисциплины «Наука и религия» представляется отдельной перспективной задачей. Можно отметить известные автору учебно-методические материалы: Аринин Е. И. (Владимир, 2004), Винокуров В. В. (Москва, 2005), Лега В. П. (Москва, 2012), Подгорный Г. Н. (Тверь, 2012), Раздъяконов В. С. (Москва, 2014), Хазиев А. К. (Казань).

давательский обмен на паритетных началах между религиозными и научными институтами, в том числе проведение совместных публичных лекций.

Во-вторых, имеет смысл *организовывать публичные дебаты* между представителями конфликтного и диалогического направлений дискурса с целью привлечения максимального медийного внимания к его проблематике. Медийное внимание необходимо, чтобы продемонстрировать широкому обществу существование значимых групп, придерживающихся различного видения отношений науки и религии.

В-третьих, необходимо *привлекать к проблематике соотношения науки и религии как можно большее количество специалистов-гуманитариев*, прежде всего историков. Именно история идей и практик позволяет задать контекст, в котором могут быть развернуты прямо противоположные точки зрения — как идея «военных действий» между наукой и религией, так и идея их взаимовыгодного сотрудничества.

Подводя итоги, можно констатировать, что институционализация диалогического направления дискурса «наука и религия» в современной России в основном состоялась. Исходя из интересов государства и общества, подобную институционализацию следует приветствовать и поощрять, поскольку она в неявном виде способствует созиданию социального единства и развивает столь необходимую для гармоничного общежития терпимость к инакомыслию.

Как показывает российский опыт, развитие диалогического направления дискурса «наука и религия» идет по пути междисциплинарного проекта: в рамках этого направления встречаются заинтересованные в диалоге философы, ученые и богословы. Этот подход преследует своей целью достижение социального единства, самим форматом «круглого стола» он показывает «городу и миру», как правильно должны быть организованы отношения между научным и религиозным сообществами. Диалог рассматривается и как средство, и как результат совместных исследований.

Вместе с тем не следует забывать о том, что существует и иной путь, ставящий своей целью составление своеобразной «карты» научных и религиозных поисков человека. Диалогическое направление дискурса как средство достижения социальной гармонии является лишь одним из направлений сложного дискурса «наука и религия»: позиция сторонника диалога не должна

замещать позицию отстраненного наблюдателя. Проблема отношения науки и религии принадлежит области философии — хотя разрешить ее невозможно, она будет постоянно тревожить человека. Можно лишь засвидетельствовать этот факт и, не ограничивая себя выбором одной из точек зрения на проблему, попытаться беспристрастно показать во всей полноте многообразие культурно-исторических форм ее решения.

Библиография/References

Глаголев С. С. Религия и наука в их взаимоотношении к наступающему XX столетию. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.

Гурев Г. А. Антирелигиозная хрестоматия. М., 1930.

Кулаков Ю. И. Синтез науки и религии // Сознание и физическая реальность Т. 2. № 2. 1997. С. 1–14

Мумриков О. Естественно-научная апологетика как целостная дисциплина: общий обзор // Вестник ПСТГУ М., 2009. IV. Педагогика. Психология. Вып. 4 (51). С. 28–41.

Смирнов М., Круг П. В защиту свободомыслия. Интервью с О. Брушлинской // Независимая газета. 21.10.2009.

Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1897.

Стурдза А. С. Вера и ведение, или Рассуждение о необходимом согласии в преподавании религии и наук питомцам учебных заведений. Одесса, 1833.

Страхов П. С. Богословие и естествознание (К вопросу о задачах естественно-научной апологетики) // Богословский вестник. 1908. № 3 0. С. 257–286.

Труды семинара «Наука и вера» ПСТГУ/сост. А. Б. Ефимов, прот. А. Салтыков, Н. С. Серебряков. Вып. I. М.: ПСТГУ, 2011.

Чичерин Б. Н. Наука и религия. Труд по философским проблемам. М., 1879.

Bodrov, A. (2009). Problems and Perspectives of the Science-and-Religion Dialogue in Russia, in *Transdisciplinarity in Science and Religion* 6: 211–216.

Cantor, G. (2011) «What shall we do with the „Conflict Thesis“, *Science and Religion: New Historical Perspectives,* pp. 283–296. Cambridge.

Chicherin, B. N. (1879) *Nauka i religiia. Trud po filosofskim problemam* [Science and Religion. Treatise on Philosophical Problems]. Moscow.

Dixon, T. (2011) «Introduction», in Dixon, T. and Cantor, G. and Pumfrey, S. (eds.) *Science and Religion: New Historical Perspectives*, pp. 1–21. Cambridge.

Evans, J. H., Evans M. S. (2008) «Religion and Science: Beyond Epistemological Conflict Narrative», *Annual Review of Sociology* 34: 87–105.

Glagolev, S. S. (1900) *Religiia i nauka v ikh vzaimootnoshenii k nastupaiushchemu* XX *stoletiiu* [Religion and Science at the beginning of the XX century]. Sergiev Posad.

Gregory, F. (2003) «Science and Religion», in D. Cahan (ed.) *From Natural Philosophy to the Sciences. Writing the History of Nineteenth-Century Science*, pp. 330–336. Chicago: University of Chicago Press.

Gurev, G. A. (1930) *Antireligioznaia khrestomatiia* [Antireligious Anthology]. Moscow.

Harrison, P. (2006) "'Science' and 'Religion': Constructing the Boundaries», *The Journal of Religion* 86 (1): 82–91.

Kulakov, Iu. I. (1997) Sintez nauki i religii [Synthesis of Science and Religion], *Soznanie i fizicheskaia real'nost'* 2 (2): 1–14.

Mumrikov, O. (2009) Estestvenno-nauchnaia apologetika kak tselostnaia distsiplina: obshchii obzor [Scientific Apologetics as a Discipline: General Review], *Vestnik* PSTGU. IV. *Pedagogika. Psikhologiia* 4 (51): 28–41.

Peters, T. (2005) «Science and Religion», in L. Jones (ed.) *Encyclopedia of Religion*, pp. 8180–8192. Thomson-Gale.

Smirnov, M., Krug, P. (2009) «V zashchitu svobodomysliia. Interv'iu s O. Brushlinskoi» [In Defence of Freethought. Interview with O. Brushlinskaya], *Nezavisimaia gazeta*, 21 oktiabria.

Spenser, G. (1897) *Osnovnye nachala* [First Principles]. SPb.

Strakhov, P.S. (1908) «Bogoslovie i estestvoznanie: (K voprosu o zadachakh estestvennonauchnoi apologetiki)» [Theology and Science: about the aims of scientific apologetics], *Bogoslovskii vestnik*. № 30: 257–286.

Sturdza, A.S. (1833) *Vera i vedenie, ili rassuzhdenie o neobkhodimom soglasii v prepodavanii religii i nauk pitomtsam uchebnykh zavedenii* [Faith and Knowledge, or Treatise on the Educational Organizations about the Neccessity of Consent in Religion and Science Education]. Odessa.

Templeton, J., Herrmann, R. (1994) *Is God the only Reality*. Continuum.

Trudy seminara «Nauka i vera» PSTGU (2011) [Proceedings of «Science and Faith» seminar at PSTGU]/sost. A.B. Efimov, prot. A. Saltykov, N.S. Serebriakov. Vyp. I. M.: PSTGU.

Turner, F.M. (1978) «The Victorian Conflict between Science and Religion: A Professional Dimension», *Isis* 69 (3): 356–376.